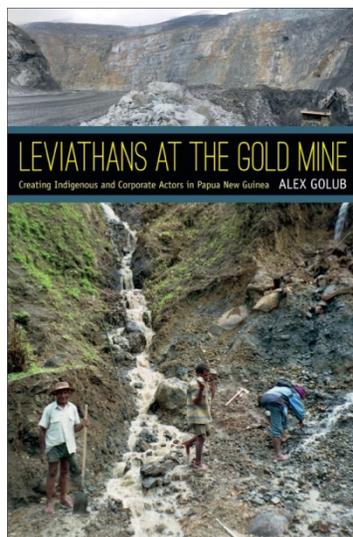

УДК 572:130.2(954)

DOI: 10.17223/2312461X/30/19

ЗОЛОТОДОБЫЧА, ИНДИГЕННОСТЬ И НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ ЛЕВИАФАНОВ В ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕЕ*

Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham and London: Duke University Press, 2014. ISBN 978-0-8223-5508-3

В книге, название которой можно было бы перевести как «Левиафаны на золотом руднике: Процесс создания индигенных и корпоративных акторов в Папуа Новой Гвинее», политический антрополог Алекс Голуб пытается разрешить противоречие между фукольдианской (вдохновленной философией Мишеля Фуко) и делезианской (вдохновленной философией Жюльена Делеза) антропологиями, показав на примере этнографии взаимоотношений добывающего предприятия и коренного (индигенного) народа, как избежать крайностей обеих. Противоречие это состоит в несогласованности двух образов современного мира: фукольдианского мира, (пред)определенного режимами управления и усиленно контролируемого, и делезианского мира спонтанных и порой мимолетных ассамблежей. При этом читателю оно преподносится скорее поэтично, чем академично: без примеров и / или ссылок на такие

---

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д.А. Функ).

антропологии, но в сравнении с ловко извлеченными из романа «Мандарины» Симоны де Бовуар противопоставлениями конкретного абстрактному и индивида – истории, напоминающими вместе с исходными противопоставлениями одновременно классическую для социальной теории проблему «структуры и агентности» и структуралистские ряды бинарных оппозиций. Тем не менее, если поверить автору на слово (или согласиться в меру читательского опыта), что напряжение спонтанность / предопределенность характеризует современную антропологическую картину современного же мира, то к книге и предложенному в ней языку описания уместно отнестись как к программным. Но что это за язык описания? Что и как он описывает?

В первую очередь – это язык описания антропологического «поля» – долины Поргера в Папуа Новой Гвинее, места проведения диссертационного исследования, легшего в основу рецензируемой книги. В этой долине проживает коренной народ ипили и расположилось одно из крупнейших золотодобывающих предприятий в мире, одноименный долине золотой рудник Поргера. Именно их – ипили и рудник – призван описать и проблематизировать авторский язык посредством центральной метафоры и концепции книги – левиафана, заимствованной у французских исследователей науки и технологии Мишеля Каллона и Брюно Латура. Левиафан, а точнее левиафаны, по А. Голубу, – это коллективные сущности, акторы, собранные из разных элементов (в том числе других акторов) и олицетворяемые конкретными людьми, которые разыгрывают и представляют их – говорят и действуют от лица левиафанов. При этом сборная природа левиафанов внешне скрыта и неявна, что позволяет им сохранять кажущуюся цельность и обуславливает их силу – действенность. В то же время можно сказать, что левиафаны историчны, поскольку «сборка» (а также «пересборка» и «распад») левиафана происходит во времени и пространстве в сочетании конкретных событий. Такая концепция позволяет снять напряжения конкретное / абстрактное и индивид / история, фокусируя внимание аналитика на том, как такие абстрактные вещи, как народ (этническая группа, в данном случае индигенная) или корпорация, слагаются из и в конкретных – наблюдаемых непосредственно – процессах.

Дополняет левиафана понятие «осуществимость» (feasibility), которую в общем виде можно определить как условия, при которых некто или нечто признаются в качестве акторов. Эти условия, с одной стороны, исторически сложившиеся, накопленные и контекстуальные; с другой – предмет борьбы, и в этом смысле политические. «Осуществимость» касается как коллективных акторов – левиафанов, так и индивидуальных – конкретных людей, в том числе представителей левиафанов и тех, кто пытается говорить и действовать от лица последних. Таким образом, она прокидывает дополнительный мостик между уже оспо-

ренными оппозициями – абстрактным / конкретным и индивидом / историей. Тем не менее кажется, что «осуществимость» выполняет куда большую теоретическую работу, пусть напрямую А. Голуб этого и не утверждает. Будучи одновременно в указанном смысле исторической и политической, «осуществимость» может быть тем аналитическим инструментом, который снимает главное напряжение между режимами и ассамблеями (спонтанность / предопределенность). Однако концептуальная сцепленность историчности и политичности в «осуществимости» вызывает вопрос: как именно борьба за «осуществимость» может быть эффективна, если границы «осуществимости» задаются историей и контекстом? Моя интуиция состоит в том, что концептуальная увязка каким-то образом должна обеспечиваться «горизонтальной» концепцией культуры, на которую, по собственному признанию, опирается А. Голуб, отсылая читателя к М. Салинзу, Ж. Делезу и Дж. Батлер, но излагая словами (цитатой из) М. Ламбека, однако для меня эта часть текста осталась неясной. Тем не менее можно сказать, что в общем виде А. Голуб представляет концептуальное решение поставленной проблемы, не привлекая полевой материал.

Структурно это решение изложено уже во введении, из чего можно сделать вывод, что антропологическая теория – не основная цель книги, а скорее ее основание (намеренная тавтология). Представляя изначально герметичный язык описания, А. Голуб показывает читателю, какие этнографические вопросы ставит «поргерское» и, в целом, «папуановогвинейское» поле. Эти вопросы: кто действует от имени «рудника» и «ипили»? Посредством каких семиотических и политических процессов эти абстракции представляются в качестве непроблематичных акторов? Какого рода конфликты возникают в борьбе людей за право говорить от лица этих групп? Как признание притязаний на корпоративную идентичность влияет на права людей не только на деньги и ресурсы, но и на достоинство? (р. 3) В свою очередь, представленная в последующих главах этнография (в том числе историческая) своей осмысленностью – интерпретациями и объяснениями – должна свидетельствовать о продуктивности разработанного языка.

Первая глава книги «Йакатабарийские переговоры», которую сам автор характеризует как центральную, представляет собой насыщенное описание («кейс-стади», в авторской терминологии) переговоров по поводу проекта нового хранилища отходов для рудника, получившего название Йакатабари (искаженный индигенный топоним места размещения проекта). Описание переговоров, продолжавшихся 18 месяцев, начинается не с первого их дня (17 апреля 1999), а с момента прибытия антрополога в «поле» – с конца ноября 1999 г., поэтому реконструкция событий до – довольно скудная часть в целом насыщенного описания. Глава начинается с характеристики и экспозиции официального отчета

о переговорах (части большого корпоративного отчета по устойчивому развитию рудника), фреймирующего их как переговоры между предприятием, разрабатывающим рудник (Porgera Joint Venture, PJV) и так называемыми землевладельцами (landowners), под которыми понимаются люди из числа ипили, места проживания (земли) которых подпадают под лицензию добывающей компании. Этому отчету противопоставляется последующая этнография, которая проблематизирует как компанию, так и землевладельцев и ставит под сомнение их целостность в качестве акторов.

В ходе переговоров личный бэкграунд переговорщиков оказывал влияние на то, какими представлялись названные левиафаны. Так, в исполнении сотрудников отдела по работе с населением (community affairs office), многие из которых в прошлом были киапами (kiaps) – сотрудниками австралийской администрации, управлявшей Папуа Новой Гвинеей до 1975 г., рудник представлялся добродетельным покровителем, что своим колониальным духом дискредитировало их «представительность» в глазах значимой части переговорщиков со стороны ипили. Таким образом, и легитимность того или иного актора в качестве представителя левиафана не была однозначной. Более того, вопреки официальному отчету, рудник и ипили были не единственными левиафанами, вовлеченными в переговоры. Кроме них в процессе участвовали различные группы и организации, с одной стороны, претендующие на представительство ипили: кланы и «подкланы», «землевладельцы», землевладельческий комитет по переговорам (The Landowner Negotiating Committee, LNC), ассоциация землевладельцев Поргеры (The Porgera Landowners Association); с другой – на представительство рудника: не всегда согласованные в своих действиях руководство рудника и упомянутый отдел по работе с населением. Наконец, вовлеченным в переговоры оказался и прототипичный левиафан – государство в лице координатора горных работ в Поргере (the Porgera Mining Coordinator) и секретаря (secretary) департамента горной промышленности (Department of Mining), а также представителей, в том числе министра, департамента экологии и охраны окружающей среды (Department of Environment and Conservation) правительства Папуа Новой Гвинеи. Право пожилых бигменов представлять ипили оспаривалось молодыми амбициозными мужчинами. Первые были представителями вышеупомянутого комитета, а вторые – ассоциации. При этом первые также были представителями клана тийини (Tiyini), однако не все подкланы тийини однозначно рассматривались в качестве затронутых землевладельцев. В то же самое время сотрудники отдела по работе с населением ставили под вопрос легитимность директора рудника в качестве его представителя. Несколько в ином отношении границы рудника оказываются проницаемыми со стороны индигенного населения уязвимостью

своей ключевой инфраструктуры, одновременно пересекающей границы «земли» ипили. Это демонстрирует поднятый в ходе переговоров вопрос прокладки дренажного туннеля по территории последних, от которого зависели дальнейшая работа рудника и его финансовая состоятельность. При всем при том комплексная природа жизни левиафанов и их представителей в долине, выйдя на национальный (государственный) уровень, «депроблематизировалась», сводясь обратно к переговорам лишь о руднике и ипили, подобно своей репрезентации в официальном отчете.

Последующие главы углубляют и контекстуализируют проблемность левиафанов – героев первой главы. Вторая глава «Рождение левиафанов» задает исторический контекст, реконструируя происхождение – историю создания, сборки – левиафанов. А. Голуб начинает повествование с 1938 г. – года первого контакта долины с внешним миром (здесь, конечно, речь идет о «европейском» мире) и заканчивает 1989 г. – годом подписания первых соглашений между рудником и землевладельцами, отслеживая, как постепенно из сетей личных отношений складывались эти и другие левиафаны. Теоретическое напряжение в главе выдерживается за счет полемики с политическим антропологом Джеймсом Скоттом и его теорией наблюдающего (seeing) государства, навязывающего своим субъектам видимость (legibility) в целях управления. По замечанию А. Голуба, такая теория предполагает упорядоченность самого государства, в то время как на поверку оно может оказаться несогласованным и проблематичным, как в случае государства в долине Поргера.

Третья глава «Жизнь ипили в Поргере» обсуждает «левиафанизацию» ипили. С точки зрения сочетания теории и этнографии – это самый успешный текст А. Голуба. Именно здесь он проигрывает концепцию «осуществимости», демонстрируя, как признание ипили в качестве легитимного актора в Папуа Новой Гвинее и на международной арене потребовало этнизации последних, в том числе бюрократической формализации родства. Обсуждение проблемы последнего, пожалуй, – самая в классическом смысле этого слова этнографически интригующая и значимая часть книги. Реконструируя роль антропологов и антропологической теории родства в левиафанизации ипили, А. Голуб одновременно вступает в полемику как с классической региональной теорией родства, так и с Новой меланезийской этнографией (которую автор называет страгнерианской, обозначая ее зависимость от фигур-основателей антропологов Мэрилин **Стратерн** и Роя **Вагнера**) относительно устройства социальности ипили. Этнографическое решение А. Голуба состоит во взаимодействии бюрократически формализованных схем родства, некогда извлеченных этнографами из индигенных социальностей, и собственно социальности ипили, которая одновре-

менно оказывается сложнее схематически (проблему схематической репрезентации автор демонстрирует, экспонируя имеющиеся в литературе схемы родства ипили и противопоставляя им свою визуализацию их социальности, основанную на матрице смежности – не сводимой к кланам) и прагматически проще (ипили, по Голубу, легко манипулируя родством и устанавливая личные отношения вообще).

Четвертая глава «Меланезийский путь» помещает все предыдущие сюжеты в контекст общественно-политической жизни Папуа Новой Гвинеи и меланезийского региона вообще. Кажется, что, собственно, участникам этой жизни – этой аудитории, которая одновременно шире социально и уже регионально-космополитичного сообщества антропологов, адресована эта глава. Ключевыми вопросами здесь становятся вопросы модерности, развития и национальной (в смысле общегражданской) идентичности. В Папуа Новой Гвинеи в городской среде есть своего рода ностальгия по «традициям», символическими хранителями которых считаются коренные народы (grassroots). Однако вопреки этому сами «хранители традиций», по крайней мере внешне скорее стремятся к современности. Эту, характерную, пожалуй, не только для Папуа Новой Гвинеи дилемму модерности и традиционности – проблему, с одной стороны, развития в условиях противоречивых ценностей, с другой – недостижения модерности при утрате традиционности, А. Голуб объясняет через социальность ипили, которую он экстраполирует и на другие коренные народы меланезийского государства. Она (эта социальность) оказывается нетерпимой к левиафанам (у ипили «аллергия на левиафанов», в терминологии автора): её специфика состоит в том, что ипили всегда стремятся установить личные отношения, втягивая в это представителей левиафанов и подрывая таким образом «самого» левиафана. Другими словами, ипили избегают взаимоотношений с коллективными акторами, на которых стоит европейская модерность.

В послесловии, завершающем книгу, А. Голуб отслеживает судьбу рудника после его отбытия из поля. Это завершение написано на печальной ноте: рудник был впоследствии выкуплен другой транснациональной корпорацией с более жестким стилем управления: представители этого левиафана, уже не втягивались в личные отношения с ипили, что поляризовало отношения и выдавило их на международную арену, окончательно «левиафанизовав» как противостояние двух левиафанов – транснациональной корпорации и коренного народа.

В целом выбранный А. Голубом язык описания оказывается продуктивным относительно выбранного поля. К сожалению, вопрос доступа к нему, который, как правило, не тривиальный применительно к добывающим компаниям, остался за пределами книги. Тем не менее, если принять авторскую социальную онтологию, абдуктивный и эвристичный в общем подход (автор начинает с утверждений об общей природе

мира, инструментализируя их, а не заканчивает ими) и признать достаточными те сведения об исследовательской позиционности, которые предоставляет автор, то за «Левиафанами на золотом руднике» можно признать программный статус. Книга испещрена исследовательскими и фундаментальными вопросами, которые каждый антрополог и социальный исследователь вообще может «задать» (в исследовательской части с необходимыми поправками) своему полю и, возможно, получить нетривиальный ответ.

Ковальский Святослав Олегович
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 26 ноября 2020 г.

Kovalskii Sviatoslav O.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

GOLDMINING, INDIGENEITY, AND THE COMPLICATED LIFE OF LEVIATHANS IN PAPUA NEW GUINEA*

Review of Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham and London: Duke University Press, 2014. ISBN 978-0-8223-5508-3

DOI: 10.17223/2312461X/30/19

* The review is a contribution to the project, titled ‘The anthropology of extractivism: Researching and designing social change in extractive regions’, supported by the Russian Science Foundation (RNF) (grant No. 20-68-46043, Principal Investigator Dmitry A. Funk).